

СТАЛИН: ЛИЧНОСТЬ, ВЛАСТЬ, ЭПОХА

Андрей Попов

Андрей Попов

Сталин: личность, власть, эпоха

«Автор»

2026

Попов А.

Сталин: личность, власть, эпоха / А. Попов — «Автор», 2026

Уважаемый читатель! Эта книга даст вам объективный и всесторонний взгляд на самую противоречивую фигуру XX века - Иосифа Виссарионовича Сталина. Вы узнаете:

- Реальную биографию: от семинариста до вождя СССР
- Правду о репрессиях: масштабы, причины, последствия
- Как создавалась советская сверхдержава: индустриализация и коллективизация
- Роль Сталина в победе над фашизмом
- Цену модернизации страны
- Механизмы власти и культа личности
- Наследие сталинской эпохи для современной России

Это необходимое чтение для тех, кто хочет:

- Понять корни современной России
- Разобраться в исторических спорах о Сталине
- Сформировать собственное мнение на основе фактов
- Избежать ошибок прошлого
- Узнать настоящую историю своей страны

Книга поможет вам сэкономить время на изучение множества источников - здесь собрано всё самое важное в одном издании. Вы получите полное понимание эпохи, которая определила судьбу России на десятилетия вперёд. Фото из личного архива автора.

© Попов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
ЧАСТЬ I. ПУТЬ К ВЛАСТИ: ОТ СЕМИНАРИСТА ДО ГЕНСЕКА	10
ГЛАВА 1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ: ГРУЗИЯ, ГОРИ, СЕМИНАРИЯ (1878–1899)	10
ГЛАВА 2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1900–1917)	17
ГЛАВА 3. 1917 ГОД И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	26
ГЛАВА 4. БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА (1924–1929)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Попов

Сталин: личность, власть, эпоха

Введение

Знаете, что меня поразило больше всего, когда я начал собирать материалы для этой книги? Не архивные документы с грифом “секретно”, не мемуары соратников или врагов вождя. А простой факт – спустя семьдесят лет после смерти этого человека люди до сих пор не могут спокойно произнести его имя.

Сталин. Пять букв, которые разделяют страну пополам. Одни видят в нем спасителя, поднявшего страну из руин и победившего фашизм. Другие – кровавого диктатора, уничтожившего миллионы собственных граждан. И вот что интересно – обе стороны правы. Именно это противоречие делает фигуру Иосифа Виссарионовича такой невыносимо сложной для понимания.

Я не историк в классическом понимании этого слова. Не профессор с кафедры, не академик с регалиями. Просто человек, которому не дает покоя один вопрос: как такое вообще могло случиться? Как бывший семинарист из грузинского городка стал абсолютным властителем одной шестой части суши? Как человек с сильным акцентом, которого в молодости никто всерьез не воспринимал, превратился в фигуру, определившую судьбу XX века?

Эта книга – не приговор и не оправдание. Это попытка разобраться. Без пафоса, без идеологических шор, без желания подогнать факты под готовый вывод. Просто посмотреть на жизнь одного человека и попытаться понять механизмы, которые превратили его в Сталина.

Почему мы до сих пор спорим

Прошлым летом я был в Москве. Зашел в книжный магазин на Тверской – большой, современный, с кофейней внутри. И что вы думаете? Целая полка книг о Сталине. Не две-три позиции, а именно полка. “Сталин – эффективный менеджер”, “Палач и жертвы”, “Архитектор Победы”, “Преступления сталинизма”... Десятки названий, десятки точек зрения.

Рядом стояли двое мужчин лет пятидесяти. Один взял биографию со словами “эффективный менеджер”, другой скривился: “Да ты что, совсем? Миллионы загубил!” Первый парировал: “Зато страну поднял, заводы построил!” И понеслось. Спорили минут двадцать, голоса повышали, продавщица уже нервничать начала.

Вот она, актуальность темы. Не в архивах, не в научных конференциях. А в том, что обычные люди в книжном магазине готовы чуть ли не подраться из-за человека, умершего в 1953 году.

Почему так происходит? Потому что Сталин – это не просто историческая фигура. Это символ. Для одних – символ порядка, силы, великодержавности. Для других – символ насилия, репрессий, тоталитаризма. И каждый видит в нем то, что соответствует его собственному мировоззрению.

Но есть и другая причина. Мы до сих пор не разобрались с наследием той эпохи. Не проговорили, не осмыслили, не пережили по-настоящему. В девяностые годы начали было – открывали архивы, публиковали документы, говорили о репрессиях. А потом как-то сникло. Тема оказалась слишком болезненной, слишком неоднозначной.

И вот результат – в головах у людей каша. С одной стороны, все знают про ГУЛАГ. С другой – гордятся Победой в войне. С третьей – удивляются, как за двадцать лет страна из аграрной превратилась в индустриальную державу. Как все это совместить? Как понять?

Знаете, моя бабушка, царствие ей небесное, родилась в 1928 году. Детство провела в сибирской деревне. Рассказывала, как в тридцать третьем голодали – ели траву, кору с деревьев. Отца ее забрали в тридцать седьмом, больше не видела. А потом началась война. В сорок втором пришла похоронка на старшего брата. В сорок третьем – на среднего.

И при всем этом – когда я, будучи подростком, как-то неосторожно высказался о Сталине, бабушка очень расстроилась. Не защищала его, нет. Но сказала фразу, которую я запомнил на всю жизнь: “Время было такое. Не нам судить”.

Вот это “время было такое” – ключ к пониманию. Мы не можем судить о тех годах с высоты нашего комфортного настоящего. Мы не жили в стране, которая только что пережила мировую войну, революцию, гражданскую войну. Не знали, что такое тотальная разруха, голод, угроза новой интервенции. Не понимали психологию людей, выживших в этом аду.

Но это не значит, что надо все оправдывать. Или, наоборот, все огульно осуждать. Надо пытаться понять.

О чем эта книга и для кого она

Давайте сразу договоримся – я не буду убеждать вас любить Сталина или ненавидеть его. Не буду доказывать, что он был гением или чудовищем. Моя задача проще и одновременно сложнее – показать живого человека во всей его противоречивости.

Эта книга для тех, кому интересна история не как набор дат и событий, а как драма живых людей. Для тех, кто устал от однобоких оценок – что с одной стороны, что с другой. Для тех, кто готов думать самостоятельно и делать собственные выводы.

Я буду рассказывать о Сталине как о реальном человеке. С детством, юностью, становлением характера. С привычками, слабостями, страхами. Да, он стал диктатором. Да, на его совести миллионы жизней. Но он не родился диктатором. Он им стал. И вот этот путь – от Сосо Джугашвили до Иосифа Виссарионовича Сталина – и есть главная тема книги.

Мы пройдем весь его жизненный путь. От полуразвалившегося домика в Гори до кремлевских кабинетов. От семинариста, изучающего церковные книги, до вождя, чье слово решало судьбы народов. От революционера-подпольщика до создателя мощнейшей империи.

И на этом пути попробуем ответить на несколько вопросов. Первый – как формируется личность диктатора? Что в характере, воспитании, обстоятельствах жизни толкает человека к абсолютной власти? Второй – почему миллионы людей готовы подчиняться диктатору, боготворить его, умирать за него? Третий – какую цену платит народ за рывок в развитии, за модернизацию любой ценой?

Ответы на эти вопросы актуальны не только для понимания прошлого. Они важны для настоящего и будущего. Потому что механизмы прихода к власти диктаторов не меняются. Меняются декорации, антураж, технологии. Но суть остается той же.

Откуда информация

Когда я начинал работу над книгой, первым делом отправился в архивы. Российский государственный архив социально-политической истории – там хранятся документы ЦК партии, личные фонды руководителей. Государственный архив Российской Федерации – материалы по истории советского периода. Архив Президента РФ – там лежат самые секретные бумаги.

Скажу честно – далеко не все доступно. Многие документы до сих пор засекречены. Особенно касающиеся репрессий, внутривластной борьбы, личной жизни вождя. Но и того, что открыто, хватает с лихвой.

Читал я и мемуары. Их написано множество – соратники Сталина, члены его семьи, партийные работники, военачальники, деятели культуры. Каждый описывает вождя по-своему. Берия восхваляет, Хрущев обличает, дочь Светлана пытается понять отца. И во всех этих воспоминаниях надо уметь отделять зерна от плевел, эмоции от фактов, пропаганду от реальности.

Особенно ценными оказались дневники и письма современников, не предназначавшиеся для публикации. Вот где настоящая правда о той эпохе! Человек пишет для себя, не думая о цензуре, о том, как это будет выглядеть через десятилетия. И в этих строках – живая жизнь, неприкрашенная и неприглаженная.

Изучал я и зарубежные источники. Американские, британские, немецкие архивы содержат массу интересного. Донесения разведки, дипломатические переписки, аналитические записки. Взгляд со стороны часто оказывается очень полезным – он помогает увидеть то, что мы сами не замечаем, слишком погруженные в собственную историю.

И, конечно, работы историков. Их написаны сотни – от апологетических до разоблачительных. Есть фундаментальные исследования по отдельным периодам – индустриализация, коллективизация, репрессии, война. Есть биографии Сталина – от советских, где он изображен мудрым вождем, до современных, где его называют преступником.

Я старался читать все. И сторонников, и противников. Потому что истина, как обычно, где-то посередине. Точнее, она многогранна. И чтобы увидеть объемную картину, надо смотреть с разных сторон.

Как читать эту книгу

Вот тут хочу предупредить сразу – я не буду давать готовых оценок. Не скажу в конце: “Сталин был хорошим” или “Сталин был плохим”. Это было бы слишком просто и слишком неправильно.

История не черно-белая. Она цветная, со множеством оттенков. И задача не в том, чтобы расставить всех по полочкам – хорошие тут, плохие там. Задача – понять.

Понять, как сын сапожника из маленького грузинского города стал одним из самых влиятельных людей XX века. Понять, что двигало им – жажда власти, идеология, страх, честолюбие, паранойя? Понять, как миллионы людей шли за ним – по убеждению, из страха, в надежде на лучшую жизнь?

Я буду давать факты. Максимально объективно, максимально полно. Буду показывать разные точки зрения. А выводы – делайте сами. Это ваше право и ваша ответственность.

Но при этом я не собираюсь прятаться за маской объективности. Где-то буду высказывать свое мнение – так честнее. Вы всегда поймете, где факт, а где моя интерпретация. И если не согласитесь – отлично. Значит, книга заставила задуматься, а это уже успех.

Методология: как подходить к оценке исторической личности

Знаете, в чем главная проблема при изучении истории? Мы смотрим на прошлое глазами современности. Судим людей прошлого по нынешним моральным нормам. Удивляемся их решениям, не понимая контекста эпохи.

Вот простой пример. Сейчас мы все согласны, что права человека – высшая ценность. Что жизнь каждого человека бесценна. Что никакие цели не оправдывают насилие над личностью. Это аксиома современного гуманизма.

А теперь переместитесь в двадцатые годы прошлого века. Россия только что пережила мировую войну – миллионы погибших. Две революции – хаос, распад государства. Гражданскую войну – брат на брата, красные против белых, интервенция, террор с обеих сторон. Голод, эпидемии, разруха.

Жизнь человека в те годы стоила копейки. Убивали легко и часто. С обеих сторон. Белые расстреливали красных, красные – белых, зеленые грабили всех подряд. Люди умирали тысячами от голода и болезней.

И вот в этом контексте появляется идея – построить новое общество. Без эксплуатации, без бедности, без войн. Светлое будущее для всех. Но для этого нужно сломать старый мир до основания. Нужно индустриализировать страну за десять лет, иначе раздавят враги. Нужна железная дисциплина, иначе страна развалится.

Как этого добиться? Уговорами? В стране, где половина населения неграмотна, где крестьяне веками жили по старинке, где интеллигенция разбежалась за границу? Вот и начинается насилие – сначала против классовых врагов, потом против вредителей, потом против всех, кто сомневается.

Я не оправдываю это насилие. Ни в коем случае. Но я пытаюсь объяснить, как это стало возможным. Как люди, многие из которых искренне верили в светлые идеалы, приходили к чудовищным методам их достижения.

Вот первый принцип подхода к исторической личности – понимание контекста эпохи. Не оправдание, не обеление, а именно понимание. Что было нормой в то время? Какие идеи витали в воздухе? Какие опасности реально угрожали?

Второй принцип – отказ от демонизации. Сталин не был исчадием ада, родившимся злым. Он был человеком со своими мотивами, страхами, убеждениями. Да, его действия привели к страшным последствиям. Но чтобы понять, как это произошло, надо увидеть в нем человека, а не монстра.

Демонизация опасна тем, что она мешает учиться на ошибках истории. Если Сталин – просто воплощение зла, то его феномен необъясним. Он как стихийное бедствие – просто случился и все. А значит, может случиться снова, и мы бессильны это предотвратить.

Но если мы поймем механизмы, которые привели его к власти, поймем, почему люди шли за ним, поймем систему, которую он создал, – тогда сможем распознать эти механизмы в будущем и не допустить повторения.

Третий принцип – комплексный подход. Нельзя судить о человеке по одному аспекту его деятельности. Нельзя говорить только о репрессиях, игнорируя индустриализацию. Нельзя говорить только о Победе, забывая о цене. Нужна полная картина – со всеми светлыми и темными пятнами.

Да, Сталин создал мощную промышленность. Да, при нем выиграли войну. Да, при нем СССР стал сверхдержавой. Но какой ценой? Миллионы погибших в лагерях, миллионы расстрелянных, миллионы умерших от голода. Сломанные судьбы, разрушенные семьи, атмосфера страха.

Можно ли это оправдать успехами? Нет. Можно ли вообще сравнивать – построенные заводы и человеческие жизни? Нет. Это несопоставимые вещи. Но мы должны видеть обе стороны, чтобы понимать полную картину.

Четвертый принцип – осторожность с источниками. Документы могут врать. Мемуары – тем более. Каждый автор воспоминаний пишет со своей позиции, со своими целями. Кто-то хочет обелить себя, кто-то – свести счеты, кто-то – показать себя в лучшем свете.

Даже официальные документы не всегда говорят правду. В сталинское время бумаги часто писались не для того, чтобы зафиксировать реальность, а чтобы создать нужную картину. Приписки, подтасовки, откровенная ложь – это было нормой.

Поэтому надо сверять источники. Смотреть, что говорят разные свидетели одних и тех же событий. Искать документальные подтверждения мемуарам. Проверять цифры и факты.

И пятый принцип – отказ от окончательных выводов. История – это не точная наука. Здесь нет единственно правильных ответов. Есть разные интерпретации, разные точки зрения. И это нормально.

Я не претендую на абсолютную истину. Я просто показываю свое видение, основанное на изучении документов и размышлениях. Возможно, через десять лет откроют новые архивы, и картина изменится. Возможно, кто-то найдет документы, которые опровергнут мои выводы. И это будет отлично – значит, история продолжает изучаться, значит, мы приближаемся к пониманию.

Еще раз о главном

Вернемся к вопросу, с которого начали. Почему Сталин до сих пор вызывает такие споры? Потому что в нем – ключ к пониманию XX века. Века величайших надежд и величайших разочарований. Века невероятных достижений и чудовищных преступлений.

Сталин – воплощение этого века. Человек, который хотел построить рай на земле и построил ад. Который поднял страну из руин и залил ее кровью. Который победил величайшее зло – фашизм, сам при этом творя зло.

Эти противоречия не разрешимы логически. Их можно только принять. Принять сложность истории, неоднозначность человеческой природы, трагизм выбора.

Эта книга – не про оправдание и не про осуждение. Она про попытку понять. Понять человека. Понять эпоху. Понять самих себя – потому что история Сталина это во многом история нашей страны, нашего народа, наших дедов и прадедов.

И последнее. Я очень надеюсь, что читая эту книгу, вы будете спорить со мной. Сомневаться, не соглашаться, искать контраргументы. Это правильно. История требует активного осмысления, а не пассивного восприятия готовых истин.

Итак, начнем. Откроем первую страницу жизни Сосо Джугашвили. Мальчика из Гори, которому судьба приготовила невероятную, страшную, величественную роль в истории человечества.

ЧАСТЬ I. ПУТЬ К ВЛАСТИ: ОТ СЕМИНАРИСТА ДО ГЕНСЕКА

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ: ГРУЗИЯ, ГОРИ, СЕМИНАРИЯ (1878–1899)

Город, где начиналась история

Представьте маленький грузинский городок конца XIX века. Узкие улочки, глинобитные дома, виноградники на склонах. Воздух пропитан запахом свежего хлеба из пекарен и пряностями с базара. По мощеным камнем улицам бродят куры, лениво переваливаясь с боку на бок. Где-то вдалеке слышен стук молота по металлу – это работают кузнецы.

Гори в 1870-80-е годы был типичным провинциальным городком Российской империи. Несколько тысяч жителей, в основном грузины. Тихое, размеренное течение жизни, где все знали друг друга, где события происходили редко и обсуждались месяцами.

В центре города возвышалась древняя крепость на скале – свидетель бесчисленных войн, которые прокатывались через эти земли веками. Персы, турки, русские – все здесь побывали. К концу XIX века Грузия уже почти сто лет как вошла в состав Российской империи, но сохраняла свою самобытность. Язык, традиции, особый уклад жизни.

Город жил бедно. Большинство населения едва сводило концы с концами. Ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне из окрестных деревень – вот кто составлял основную массу. Интеллигенции почти не было. Священники, пару учителей, несколько чиновников местной администрации – и все.

Именно в этом городе 18 декабря 1878 года – по новому стилю, по старому 6 декабря – родился мальчик, которого называли Иосиф. По-грузински – Сосо. Ничем не примечательное событие в ничем не примечательном городе. Родился и родился, один из сотен младенцев, появляющихся на свет каждый год в Гори.

Никто тогда не мог предположить, что этот орущий сверток в бедной крестьянской семье через пятьдесят лет станет абсолютным властителем огромной страны. Что его имя будут знать от Берлина до Пекина. Что о нем будут написаны тысячи книг и сняты сотни фильмов.

А пока это был просто Сосо Джугашвили, третий сын сапожника Бесо и его жены Екатерины.

Семья: между молотом и наковальней

Отец – Виссарион Иванович Джугашвили, по прозвищу Бесо. Сапожник. Ремесленник средней руки, каких в Гори было десятки. Сначала работал в небольшой мастерской, потом пытался открыть свое дело. Не пошло – конкуренция, нехватка денег, неумение вести дела.

Бесо был человеком тяжелым. Пил. Причем пил серьезно, не для веселья, а чтобы залить горечь неудачной жизни. Когда напивался – становился агрессивным. Бил жену. Бил детей. Соседи привыкли к крикам и плачу из их дома.

Мать – Екатерина Георгиевна, урожденная Геладзе, по прозвищу Кеке. Из крепостных крестьян. Неграмотная, но умная от природы. Маленькая, худенькая, очень работающая. Зараба-

тивала на жизнь стиркой, уборкой, шитьем – чем придется. Часто именно она кормила семью, потому что Бесо пропивал заработанное.

У них было трое сыновей. Первые двое умерли в младенчестве – обычное дело в те времена, детская смертность была огромной. Остался только третий – Сосо. И Кеке вцепилась в него мертвой хваткой. Это был ее единственный оставшийся ребенок, смысл ее жизни.

Отношения между родителями были ужасными. Постоянные скандалы, пьяные дебоши Бесо, слезы Кеке. Мальчик рос в атмосфере хронического семейного насилия. Он видел, как отец избивает мать. Сам регулярно получал от него. В одной из пьяных драк Бесо так сильно ударил сына, что тот несколько дней провел в постели с температурой.

Некоторые биографы считают, что именно детские травмы – физические и психологические – сформировали характер будущего диктатора. Постоянное унижение, страх, невозможность защитить себя и мать. Все это могло породить жажду власти, стремление доминировать, неспособность доверять людям.

Может быть, так и есть. А может, это упрощение. Не все дети из неблагополучных семей становятся диктаторами. Но то, что детство Сосо было трудным – это факт.

Кеке мечтала вырвать сына из этой нищеты и грязи. Она хотела, чтобы он выучился, стал кем-то. В ее представлении высшая карьера для сына – стать священником. Это давало уважение, стабильность, достаток. Священник в грузинском обществе был фигурой значимой.

И она сделала все, чтобы устроить мальчика в духовное училище. Где взяла денег – непонятно. Скорее всего, влезла в долги, выпрашивала у знакомых, экономила на всем. Но добились своего.

Бесо был против. Он хотел, чтобы сын пошел по его стопам – стал ремесленником. Даже пытался забрать мальчика из училища, устроить в мастерскую. Но Кеке не сдалась. Она буквально боролась за будущее сына.

В конце концов родители разошлись – редкость для тех времен. Бесо ушел, спился окончательно, умер в пьяной драке в Тифлисе в 1909 году. Сын на похороны не приехал. Они не виделись много лет, и Сосо не испытывал к отцу ничего, кроме презрения.

А Кеке осталась одна с мальчиком. Работала за двоих, лишь бы дать ему образование. Все свои надежды, всю любовь, всю жизнь вложила в этого упрямого, замкнутого ребенка с темными, пронзительными глазами.

Детство на улицах Гори

Несмотря на бедность, детство Сосо не было совсем уж беспросветным. Во всяком случае, вне дома. На улице он был обычным мальчишкой – играл с друзьями, лазил по деревьям, купался в реке Куре.

Друзья вспоминали его как заводилу. Он всегда стремился быть лидером в играх. Если драка – он впереди. Если проказы – он организатор. Если соревнование – он должен победить.

При этом физически он не был сильным ребенком. Даже наоборот – худой, невысокий, не самый здоровый. В детстве переболел оспой, лицо осталось рябым – эти следы он будет стесняться всю жизнь. В семь лет попал под экипаж – травма левой руки, которая потом не сгибалась до конца.

Но компенсировал физические недостатки характером. Упрямым, настойчивым, даже жестоким. Не прощал обид, долго помнил зло. Если кто-то его обижал – мстил, изобретательно и беспощадно.

Говорил он по-грузински. Русский начал учить только в училище. И этот акцент, картавость останутся с ним навсегда. Многие современники отмечали, что говорил Сталин с сильным грузинским акцентом, коверкал слова, строил фразы на грузинский манер.

В Гори жизнь была простой и понятной. Дети с утра бегали на улице, помогали родителям, ходили на базар. Развлечений почти не было – церковные праздники, ярмарки пару раз в год, вот и все.

Но для Сосо этот мир был тесным. С раннего возраста он чувствовал, что создан для чего-то большего. Или это уже потом он так рассказывал? Трудно сказать. Но факт – он всегда выделялся среди сверстников. Не внешне, не физическими данными. Но внутренним стержнем, какой-то особой сосредоточенностью.

Мать рассказывала, что в детстве он был очень религиозным. Подолгу молился, мечтал стать священником. Пел в церковном хоре – у него был хороший голос, мягкий и приятный. Это тоже помогло при поступлении в училище.

Религиозность ли это была на самом деле или желание угодить матери – вопрос открытый. Скорее всего, для ребенка это было неразделимо. Мать хотела, чтобы он был благочестивым – он старался быть таким. Церковь давала какое-то упорядоченное мировоззрение – он принимал его.

А может, уже тогда он умел подстраиваться? Показывать то, что от него ожидают? Эту способность – быть разным с разными людьми – он разовьет до совершенства в зрелые годы.

Горийское духовное училище: первые шаги к образованию

В 1888 году, в десять лет, Сосо поступил в Горийское духовное училище. Для семьи это было огромным событием. Кеке добила своего – сын начал путь к священническому сану.

Училище было скромным заведением. Несколько классов, небольшое общежитие, церковь. Учили основам грамоты, арифметике, церковному пению, Закону Божьему. Преподавание велось на русском языке, что для грузинских детей создавало дополнительные трудности.

Сосо учился хорошо. Не отлично, но твердо. Особенно хорошо давались предметы, требующие памяти. Он мог наизусть выучить огромные куски текста, стихи, молитвы. Память у него была феноменальная – это отмечали все, кто с ним общался.

Но характер уже тогда проявлялся непростой. С учителями был внешне почтителен, но без подобострастия. С одноклассниками – властный, требовательный. Мог подраться, если задевали его достоинство. Не терпел, когда над ним смеялись из-за оспин на лице или из-за бедности.

При этом у него были друзья. Несколько ребят из бедных семей, с которыми он сдружился. Они оставались близки долгие годы, некоторые потом пошли за ним в революцию.

В училище впервые проявился его интерес к книгам. Не к учебным – к художественным. Он читал запоем все, что попадалось под руку. Грузинские народные сказки, приключенческие романы, исторические повести.

Особенно его поразили грузинские эпические поэмы. “Витязь в тигровой шкуре” Руставели стал его любимой книгой. Он знал наизусть огромные куски этой поэмы. В ней были сильные герои, благородные воины, верная дружба, борьба за справедливость. Все то, что волнует мальчишек во все времена.

Но еще больше его увлекли романы о разбойниках. В Грузии была своя героическая фигура – разбойник Коба, грузинский Робин Гуд. Он грабил богатых, помогал бедным, не склонялся ни перед кем. Сосо зачитывался этими историями. Позже, в революционном подполье, он возьмет себе псевдоним Коба.

В училище он проучился шесть лет – с 1888 по 1894 год. Закончил с хорошими оценками. И встал вопрос – что дальше? Самый логичный путь для способного ученика духовного училища – поступление в семинарию.

Мать была в восторге. Ее мальчик движется к заветной цели. Еще немного – и он станет священником, уважаемым человеком, вырвется из нищеты.

Сам Сосо тоже хотел продолжить образование. Но вряд ли его привлекала священническая карьера. Он уже повзрослел, мир раздвинулся. Появились новые интересы, новые мысли. Но куда еще мог пойти бедный мальчик из провинциального городка? Вариантов было немного.

И в 1894 году, в пятнадцать лет, Иосиф Джугашвили поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Этот шаг определил всю его дальнейшую жизнь. Хотя совсем не так, как представляла себе его благочестивая мать.

Тифлис: новый мир

Тифлис – современный Тбилиси – был совсем другим миром по сравнению с тихим Гори. Большой город, столица Грузии, административный центр Кавказского края. Несколько сотен тысяч жителей, промышленность, железная дорога, электричество на центральных улицах.

Пестрая, шумная, многонациональная толпа. Грузины, армяне, русские, азербайджанцы, евреи – все перемешались. Базары, где торговали всем на свете. Богатые кварталы с особняками. Трущобы, где жила беднота. Церкви, мечети, синагоги.

И культурная жизнь, немыслимая для Гори. Театры, библиотеки, книжные лавки. Учебные заведения – университет, гимназии, училища. Газеты, журналы, типографии.

Для пятнадцатилетнего мальчика из провинции это был шок. Все незнакомо, все ново, все интересно и пугающе одновременно. Он из мира, где все знали друг друга, попал в огромный город, где ты – песчинка в людском море.

Семинария находилась в центре города. Большое каменное здание, строгое и мрачное. Порядки там были жесткие – духовное заведение, воспитание будущих священников требовало дисциплины.

Подъем в шесть утра. Молитва. Завтрак. Занятия с восьми до обеда. После обеда – опять занятия. Вечером – молитва. Отбой в девять. День расписан по минутам. Никакой свободы, постоянный надзор.

Изучали Закон Божий, богословие, церковную историю, церковнославянский язык, греческий, латынь. Из светских предметов – русский язык, литература, история, математика, чуть-чуть естественных наук.

Учили наизусть молитвы, псалмы, церковные песнопения. Много времени посвящалось службам в церкви. Семинаристы пели в хоре, прислуживали, учились совершать обряды.

И атмосфера была удушающей. Надзиратели следили за каждым шагом. Запрещались любые мирские развлечения. Нельзя было ходить в театр, читать светские книги, общаться с женщинами. Малейшее нарушение – наказание. Карцер, лишение еды, исключение.

Для живого, любопытного, своевольного юноши это было тюрьмой. С каждым годом росло напряжение между его внутренним миром и внешними рамками.

Семинария: бунт и поиск себя

Первое время Сосо еще пытался быть примерным семинаристом. Учился хорошо, даже попал в число лучших учеников. Пел в хоре – его голос выделялся. Внешне соблюдал правила.

Но внутри уже зрел протест. Против удушающих порядков, против тупой зубрежки, против лицемерия преподавателей, которые проповедовали любовь и смирение, а сами были жестокими и корыстными.

Он начал читать запретную литературу. В семинарии был строгий список разрешенных книг. Все остальное считалось вредным, развращающим, опасным для веры. Но именно это и привлекало.

Откуда брались эти книги? В Тифлисе было несколько нелегальных библиотек. Студенты, гимназисты, семинаристы – все тайно читали запрещенное. Передавали из рук в руки романы, стихи, политические брошюры.

Сосо читал Виктора Гюго, Чернышевского, Некрасова. Читал Дарвина – теорию эволюции, которая противоречила библейской версии сотворения мира. Читал народников, первых русских революционеров.

Все это переворачивало сознание. Религиозная картина мира начала рушиться. На смену вере в Бога приходила вера в науку, прогресс, революцию. Не сразу, постепенно, но неотвратимо.

Он начал писать стихи. Несколько его стихотворений даже опубликовали в грузинских газетах под псевдонимом. Стихи были романтические, с налетом грусти и бунтарства. О родине, о природе, о несправедливости жизни.

Конечно, великим поэтом он не стал. Но сам факт важен – он искал способ самовыражения, пытался сформулировать то, что кипело внутри.

А внутри кипело многое. Обида за унижительную бедность детства. Злость на отца-пьяницу. Жалость к матери, которая надрывалась ради него. Непонимание, зачем вся эта бессмысленная зубрежка в семинарии. Жажда настоящей жизни, свободы, действия.

И – что очень важно – он начал понимать, что в мире есть несправедливость. Богатые живут в роскоши, бедные умирают с голоду. Власть имущие угнетают простой народ. Церковь, вместо того чтобы заступаться за бедных, служит богатым и сильным.

Это было прозрение. Не интеллектуальное, а эмоциональное. Он видел контраст между тем, что проповедуют, и тем, что происходит на самом деле. И это рождало гнев, желание изменить мир.

В семинарии был кружок грузинских националистов. Они выступали за независимость Грузии, против русификации, за сохранение национальной культуры. Сосо примкнул к ним. Это был его первый опыт политической деятельности.

Они собирались тайком, обсуждали политику, читали запрещенную литературу. Это было опасно – если бы узнало начальство, исключили бы немедленно. Но именно опасность и придавала остроту.

Так проходили годы. Внешне – обычный семинарист. Внутренне – все больше отдалялся от веры, все больше погружался в революционные идеи.

Первые контакты с революционерами

В конце 1890-х годов в Российской империи активизировалось рабочее движение. Строились заводы, росли города, формировался рабочий класс. И этот класс начинал бороться за свои права – лучшие условия труда, более высокую зарплату, ограничение рабочего дня.

В Тифлисе тоже были заводы. Не такие большие, как в Москве или Петербурге, но все же. Железнодорожные мастерские, табачные фабрики, небольшие предприятия. И там работали тысячи рабочих.

Социал-демократы – революционеры, считавшие, что рабочий класс должен свергнуть капитализм и построить социализм, – начали вести пропаганду среди рабочих. Создавали кружки, распространяли листовки, организовывали стачки.

В 1898 году Иосиф Джугашвили вступил в контакт с социал-демократическим кружком. Как именно это произошло – точно неизвестно. Скорее всего, через знакомых семинаристов, которые уже были связаны с революционерами.

Для него это было началом новой жизни. Наконец-то не просто читать о борьбе за справедливость, а реально участвовать в ней! Наконец-то действие, а не бессмысленная зубрежка молитв!

Он начал посещать собрания рабочих кружков. Приходил тайком, по ночам, рискуя быть пойманным и исключенным из семинарии. Но риск его только раззадоривал.

На этих собраниях обсуждали политику, читали марксистскую литературу, планировали стачки. Сосо слушал, учился, впитывал новую идеологию.

Марксизм давал стройную картину мира. Вся история – это борьба классов. Сначала рабовладельцы против рабов, потом феодалы против крестьян, теперь буржуазия против рабочих. И эта борьба неизбежно приведет к победе рабочего класса, к революции, к построению социализма.

Для юного максималиста, ищущего смысл жизни, это была идеальная идеология. Простая, понятная, дающая четкие ответы на все вопросы. И главное – требующая действия. Не сиди сложа руки, не смиришься с несправедливостью – борись!

Сосо начал вести пропаганду среди рабочих. Он оказался неплохим агитатором. Говорил просто, образно, понятно. Не лез в дебри теории, а объяснял на конкретных примерах. Почему зарплата маленькая? Потому что хозяин забирает прибавочную стоимость. Почему рабочий день длинный? Потому что капиталисты хотят больше наживы.

Рабочие слушали. Не все, конечно, соглашались. Многие были консервативны, боялись лезть в политику. Но находились и те, кто загорался. Кто готов был бороться.

В семинарии тем временем становилось все хуже. Джугашвили все чаще нарушал правила. Опаздывал на молитвы, грубил преподавателям, не готовил уроки. Его несколько раз наказывали, предупреждали.

А он становился все дерзче. Потому что понимал – это не его путь. Он не станет священником. Эта жизнь не для него. Он найдет другой путь, путь борьбы.

В 1899 году, не закончив последний курс семинарии, он был исключен. Официальная причина – неявка на экзамены. Реальная – неповиновение, неблагоденствие, связь с революционерами.

Для матери это был удар. Все ее мечты рухнули. Сын не стал священником. Не получил диплома. Будущее туманно. Она плакала, упрекала, умоляла исправиться.

Но для Сосо это было освобождение. Кончилось притворство, кончилась двойная жизнь. Теперь можно полностью посвятить себя революции.

Ему двадцать лет. Никакого диплома, никакой профессии, никаких денег. Зато – горячее сердце, железная воля и твердая вера в то, что мир можно изменить.

Вот с этим багажом он и вступил во взрослую жизнь. В жизнь, которая будет полна опасностей, лишений, борьбы. Жизнь профессионального революционера.

Что сформировало характер

Давайте подведем промежуточный итог. Что мы видим в первые двадцать лет жизни Сосо Джугашвили? Что сформировало его характер, его мировоззрение?

Во-первых, тяжелое детство. Нищета, пьяный отец-тиран, постоянное насилие в семье. Это научило выживать, быть жестким, не жалеть ни себя, ни других. Это породило глубокую обиду на мир, желание доказать всем, что он чего-то стоит.

Во-вторых, амбициозная мать. Кеке верила в сына, вкладывала в него все силы, хотела, чтобы он вырвался из бедности. Это дало стимул, толчок к развитию. Но и породило чувство долга перед матерью, которое потом трансформируется в нечто другое.

В-третьих, образование. Да, не самое блестящее, не университет. Но все же – умение читать, писать, думать. Доступ к книгам, к идеям. Это открыло мир, показало, что жизнь может быть иной.

В-четвертых, семинария. Парадоксально, но именно религиозное учебное заведение сделало из него атеиста и революционера. Столкновение с церковным лицемерием, с удушающими

порядками породило протест. А теологическое образование дало навык мыслить системно, видеть большую картину.

В-пятых, контакт с революционным движением. Это дало цель, смысл жизни. Борьба за справедливость, за новый мир – вот ради чего стоит жить и умирать.

Все эти факторы слепили характер. Жесткий, волевой, целеустремленный. Скрытный, недоверчивый, злопамятный. Умный, хитрый, умеющий ждать и планировать.

И еще – убежденный в своей правоте. Это очень важно. Сосо с юности верил, что он на правильной стороне истории. Что его дело – справедливое. А раз так, то любые методы оправданы. Цель оправдывает средства.

Эта черта – моральная беспринципность ради высокой цели – будет определять все его действия. Можно расстреливать врагов народа – ради светлого будущего. Можно морить голодом крестьян – ради индустриализации. Можно убивать соратников – ради укрепления власти.

Но все это потом. А пока – 1899 год, город Тифлис, двадцатилетний исключенный семинарист, который верит, что мир можно перевернуть.

Вот вам первая глава жизни Иосифа Сталина. Детство в нищете, юность в поисках себя, первые шаги к революции. Мальчик из Гори, которому судьба приготовила невероятную роль.

Что дальше? Как бывший семинарист превратился в профессионального революционера? Какой была его жизнь в подполье – аресты, ссылки, побеги? Как он боролся за место под солнцем в партийной иерархии?

Об этом – в следующей главе. Там будет много интересного: подпольная работа, налеты на банки, тюрьмы и побеги, первые столкновения с будущими соратниками и врагами. Там начнется настоящая политическая биография человека, который войдет в историю под именем Сталин.

А пока задумайтесь вот о чем. Мог ли кто-нибудь в 1899 году предположить, что этот безработный неудачник станет одним из самых могущественных людей XX века? Что определило его судьбу – характер, обстоятельства, случай? Или все вместе?

История не дает однозначных ответов. Она дает факты и заставляет думать. И в этом ее ценность.

ГЛАВА 2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1900–1917)

Первые шаги в подполье

Итак, 1899 год. Сосо Джугашвили – без диплома, без работы, без перспектив. Мать в слезах, знакомые качают головами – мол, загубил талантливый парень свою жизнь. А ему двадцать лет, и он полон энергии, которой не знает куда деть.

Первое время после исключения из семинарии он пытался найти легальную работу. Устроился в Тифлисскую физическую обсерваторию – вести метеорологические наблюдения. Работа простая, почти механическая. Записывать показания приборов, вести журналы. Платили копейки, но хоть что-то.

Но это была лишь видимость нормальной жизни. На самом деле все свободное время он посвящал революционной работе. По вечерам проводил занятия с рабочими в нелегальных кружках. Объяснял основы марксизма, читал запрещенные брошюры, обсуждал политическую обстановку.

Надо понимать контекст того времени. Конец XIX века – в России нарастает революционное движение. Крестьяне недовольны малоземельем и нищетой. Рабочие возмущены тяжелыми условиями труда и низкими зарплатами. Интеллигенция требует политических свобод и конституции. А власть отвечает репрессиями – аресты, ссылки, казни.

В этой атмосфере подполье кипело. Создавались революционные кружки, печатались листовки, организовывались стачки. И охранка – тайная полиция – пыталась все это задавить. Внедряла провокаторов, следила, арестовывала.

Жить в подполье означало постоянный риск. Тебя могут схватить в любой момент. Могут избить при аресте. Могут засадить в тюрьму на годы. Могут сослать в Сибирь. А могут и хуже – расстрелять, если дело дойдет до вооруженного сопротивления.

Но именно этот риск и привлекал. Адреналин, ощущение важности дела, причастность к чему-то великому. Романтика революции – сейчас это звучит наивно, но тогда для молодых людей это было реальностью.

Сосо окунулся в эту жизнь с головой. Конспирация, явки, пароли, псевдонимы – все как в приключенческих романах, которые он читал в юности. Только теперь это была настоящая жизнь, а не фантазия.

Вступление в РСДРП: выбор пути

В 1898 году в Минске состоялся первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии – РСДРП. Девять человек собрались тайком и провозгласили создание партии. Правда, почти всех сразу арестовали, но идея была запущена.

К началу 1900-х годов социал-демократические кружки и группы появились во многих городах империи. Они действовали разрозненно, без единого руководства, часто не зная друг о друге. Но все считали себя частью РСДРП.

В Тифлисе тоже был такой кружок. И где-то в 1900-1901 году Джугашвили формально вступил в партию. Точная дата неизвестна – в подполье не велись членские книжки. Но с этого момента он стал профессиональным революционером.

Что это означало? Это означало полный разрыв с нормальной жизнью. Никакой постоянной работы, никакой семьи, никакого быта. Вся жизнь подчинена одной цели – революции.

Деньги – от партии, жилье – на конспиративных квартирах, общение – только с товарищами по борьбе.

Для большинства людей такая жизнь была немыслима. Но для Джугашвили – в самый раз. У него не было ни дома, ни семьи, ни профессии. Партия стала для него всем – домом, семьей, работой, смыслом существования.

И партия его оценила. Оказалось, что у этого невысокого грузина с рябым лицом есть ценные качества. Упорство, дисциплина, конспиративные навыки. Он умел организовывать, умел убеждать, не боялся грязной работы.

В социал-демократическом движении были разные типы людей. Интеллигенты-теоретики, которые писали статьи и брошюры. Ораторы, которые выступали на митингах. Агитаторы, которые вели работу в массах. И были практики-организаторы, которые налаживали конкретную работу – печать листовок, доставку литературы, сбор денег, организацию явочных квартир.

Джугашвили был из последних. Теоретиком он никогда не стал – писал тяжело, неуклюже, без блеска. Оратором тоже не был – говорил с сильным акцентом, негромко, без харизмы. Но организатором был отменным. Дал задание – выполнил. Нужно наладить типографию – наладит. Нужно достать деньги – достанет.

Именно такие люди были костяком партии. Без них все красивые теории так и остались бы теориями.

Батум: первый опыт массовой работы

В конце 1901 года Джугашвили отправили в Батум – портовый город на Черном море. Там были нефтеперерабатывающие заводы, железнодорожное депо, порт. Работали тысячи рабочих. Социал-демократы решили развернуть там агитацию.

Сосо приехал в Батум под чужим паспортом. Снял угол в рабочем бараке. Устроился на завод – формально, для прикрытия. А реально начал создавать революционные кружки среди рабочих.

Работа шла успешно. За несколько месяцев он создал несколько кружков, в которых занимались десятки рабочих. Они изучали марксизм, обсуждали свое положение, готовились к борьбе.

В феврале 1902 года на одном из заводов началась стачка. Рабочие требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда. Администрация отказала. Тогда стачка расширилась – остановились другие предприятия.

Власти испугались. Вызвали войска. И 9 марта 1902 года случилось столкновение. Демонстрация рабочих попыталась освободить арестованных товарищей. Солдаты открыли огонь. Погибло около пятнадцати человек, десятки ранены.

Это было первое столкновение рабочих с войсками в Закавказье. Событие получило широкую огласку. А Джугашвили – его уже начали называть Коба – оказался в центре этих событий.

Через несколько дней его арестовали. Кто-то донес, или охранка вычислила – неважно. Главное – первый арест. Начало длинной череды.

Тюрьма: университеты революции

Его бросили в батумскую тюрьму. Потом перевели в Кутаиси. Потом в Тифлис. Он просидел в тюрьмах больше года, пока шло следствие.

Казалось бы – трагедия. Молодой человек, которому всего двадцать три года, лишен свободы. Сидит в сырой камере, среди уголовников, без света и воздуха. Будущее туманно – могут дать большой срок, могут сослать на каторгу.

Но для революционеров тюрьма была своеобразным университетом. Там сидели опытные товарищи, у которых можно было учиться. Там было время читать, думать, дискутировать. Там завязывались связи, которые потом пригодятся на воле.

В камерах обсуждали политику, спорили о тактике революционной борьбы, читали нелегально переданные книги и газеты. Конечно, под страхом карцера – если охрана застукает. Но рисковали.

Джугашвили много читал. У него всегда была феноменальная память – прочитав книгу один раз, он мог пересказать ее почти дословно. В тюрьме он изучил основные работы Маркса и Энгельса, познакомился с трудами Плеханова и Ленина.

Особенно его заинтересовал Ленин. Владимир Ульянов, находившийся тогда в эмиграции, писал статьи о стратегии и тактике революционной борьбы. Он был сторонником жесткой централизованной партии профессиональных революционеров. Не массовой, а элитарной организации, которая поведет за собой рабочий класс.

Эти идеи откликнулись в душе Кобы. Он и сам был сторонником жесткости, дисциплины, централизма. Мягкотелость либералов его раздражала. Он хотел действия, борьбы, победы.

В тюрьме он также учился конспирации. Как вести себя на допросах – молчать, не выдавать товарищей, сбивать следствие с толку. Как передавать записки – в хлебе, в одежде, через тюремщиков за взятку. Как поддерживать связь с волей.

Все эти навыки очень пригодятся ему в будущем. Он станет мастером конспирации, человеком-загадкой, которого трудно поймать и еще труднее раскусить.

Первая ссылка: Сибирь встречает

В 1903 году следствие закончилось. Кобу приговорили к трем годам ссылки в Восточную Сибирь. По тем временам – мягкий приговор. Могли дать каторгу.

Его этапировали через всю страну. Месяцы пути в железнодорожных вагонах, в телегах, пешком. Через Урал, через бесконечные сибирские просторы. Наконец добрались до места – село Новая Уда в Иркутской губернии.

Ссылка в те времена была странной штукой. С одной стороны, тебя лишали свободы – ты обязан жить в указанном месте, регулярно отмечаться у пристава. С другой – никакой охраны, никаких решеток. Живешь обычной жизнью, только не имеешь права уехать.

Многие ссыльные годами жили в сибирских деревнях. Работали, заводили семьи, обустроивались. Власть это устраивало – пусть сидят на окраине империи, подальше от столиц.

Но Коба не собирался сидеть тихо. Уже через несколько месяцев, в январе 1904 года, он бежал. Как именно – толком неизвестно. Скорее всего, просто сел на поезд и уехал. Охраны не было, документы можно было достать фальшивые.

Побег из ссылки был делом обычным. Из отдаленных мест убежать было несложно. Трудно было потом жить на нелегальном положении, скрываясь от полиции. Но для профессионального революционера это входило в джентльменский набор.

Коба вернулся на Кавказ. Там кипела жизнь – революционное движение разрасталось. Начиналась революция 1905 года, которая потрясет империю до основания.

1905 год: первая революция

Помните, как это было? Девятое января – Кровавое воскресенье. Мирное шествие рабочих к царю расстреляли в Петербурге. Погибли сотни людей. Страна взорвалась.

Забастовки, демонстрации, крестьянские бунты. В октябре – всеобщая политическая стачка. Царь испугался и дал манифест – обещал конституцию, Думу, политические свободы. Казалось, революция победила.

Но победа оказалась временной. Власть собралась с силами и начала контрнаступление. Карательные экспедиции, массовые аресты, военно-полевые суды. К концу 1906 года революция была подавлена.

Джугашвили участвовал в этих событиях на Кавказе. Организовывал стачки, руководил боевыми дружинами, писал листовки. Работал в Тифлисе, потом в Баку – крупнейшем промышленном центре Закавказья.

Баку в те годы был уникальным городом. Нефтяные промыслы, перерабатывающие заводы, порт. Десятки тысяч рабочих – русские, азербайджанцы, армяне. Бешеные деньги нефтяных магнатов – Ротшильды, Нобели, бакинские миллионеры.

И невероятная социальная напряженность. Рабочие жили в чудовищных условиях – бараки, антисанитария, нищенские зарплаты. Работали по двенадцать-четырнадцать часов в день в адской жаре и в испарениях нефти. Болели, умирали молодыми.

На этой почве революционная агитация шла на ура. Социал-демократы быстро набирали влияние среди бакинских рабочих. И Коба был одним из руководителей бакинской организации.

Он оказался талантливым агитатором среди рабочих. Говорил просто, понятно, без книжных заумностей. Объяснял на конкретных примерах, что такое эксплуатация, как капиталисты наживаются на их труде, почему надо бороться.

При этом он был жестким и требовательным организатором. Не терпел расхлябанности, халатности. Если товарищ не выполнил задание – разнос получал такой, что мало не покажется. Побаивались его, но уважали.

В партийной среде шла борьба между большевиками и меньшевиками. В 1903 году на втором съезде РСДРП произошел раскол. Ленин возглавил большевиков – сторонников жесткой централизованной партии и решительных действий. Мартов – меньшевиков, которые выступали за более демократическую и легальную партию.

Джугашвили почти сразу примкнул к большевикам. Ленинская концепция партии как военной организации революционеров ему была близка. Меньшевистская мягкотелость раздражала.

Но надо понимать – тогда это деление еще не было таким жестким, как потом. Большевики и меньшевики работали вместе, считали себя членами одной партии, спорили о тактике, но не враждовали насмерть.

Между арестами: жизнь на грани

С 1905 по 1912 год жизнь Кобы – это бесконечная череда арестов, ссылок и побегов. Его хватали, он убегал, возвращался к работе, его снова хватали.

В 1906 году – арест в Тифлисе. Потом освобождение за недостатком улик. В 1907-м – арест в Баку, но снова отпустили. В 1908-м – опять арест и ссылка. На этот раз в Вологодскую губернию, на два года.

Пробыл несколько месяцев и опять бежал. Вернулся в Баку. Работал, пока в 1910 году его снова не схватили. Ссылка в Вологду на пять лет. Бежал через несколько месяцев.

Потом Петербург. Работа в редакции большевистской газеты “Звезда”. И снова арест в 1911 году. Опять ссылка – на этот раз на три года в Вологду.

Казалось бы – замкнутый круг. Но на самом деле каждый этап давал опыт. Он учился уходить от слежки, менять адреса, использовать явочные квартиры, работать с фальшивыми документами.

При этом он не переставал работать. В ссылках поддерживал связь с партией, писал статьи, вел переписку. На воле разворачивал бурную деятельность.

Надо сказать, что охранка работала не очень эффективно. Огромная империя, миллионы подданных, а политическая полиция насчитывала всего несколько тысяч агентов. Уследить за всеми было невозможно.

К тому же революционеры научились конспирации. Использовали псевдонимы, пароли, конспиративные квартиры. Переписку вели через доверенных лиц или шифром. Документы прятали в тайниках.

А главное – была массовая поддержка. Рабочие укрывали революционеров, давали деньги, предупреждали о полиции. Без этой поддержки никакая конспирация не помогла бы.

Эксы: грязная сторона революции

Теперь о том, о чем не очень любят говорить. О финансировании революционной деятельности. Откуда брались деньги на подпольную работу?

Партия жила на членские взносы, пожертвования сочувствующих, помощь из-за границы. Но этого катастрофически не хватало. Нужны были деньги на типографии, на оружие, на содержание профессиональных революционеров, которые не могли работать легально.

И большевики прибегали к так называемым эксам – экспроприациям. Проще говоря – к ограблениям. Нападали на банки, казначейства, инкассаторов. Забирали деньги – на нужды революции, конечно.

Официально партия это не одобряла. Меньшевики категорически против, большевики тоже вроде бы против. Но на практике – закрывали глаза. Деньги нужны, а где еще взять?

Самой знаменитой стала экспроприация в Тифлисе в 1907 году. Боевая дружина под руководством легендарного Камо – соратника и друга Кобы – напала на карету с деньгами на центральной площади Тифлиса. Бросили бомбы, начался хаос, в суматохе забрали больше двухсот тысяч рублей. Огромные деньги по тем временам.

Погибло несколько человек – охранники, случайные прохожие. Раненых было больше десятка. Преступление с точки зрения закона? Безусловно. Оправдано с точки зрения революционной морали? Тогда многим казалось – да.

Насколько Джугашвили был причастен к этой и другим эксам – вопрос спорный. Прямых доказательств нет. Он всегда отрицал участие. Но многие современники утверждали, что он был одним из организаторов.

Скорее всего, правда где-то посередине. Непосредственно в налетах он не участвовал – не его роль. Но организовывал, планировал, обеспечивал конспирацию – вполне возможно.

Это важный момент для понимания его личности. Он с самого начала не брезговал грязными методами ради цели. Убить врагов революции? Ограбить банк? Предать товарища, если он стал опасен? Все это входило в арсенал средств.

Конечно, он не был уникален в этом. Большинство революционеров той эпохи придерживались принципа “цель оправдывает средства”. Но у Джугашвили это было выражено особенно ярко. У него просто не было моральных тормозов, которые были у других.

Ленин и партийная верхушка: первые контакты

До 1912 года Джугашвили был фигурой второго плана в партии. Активный подпольщик, организатор, но не более. Его знали на Кавказе, в Баку, но за пределами региона он был никому не известен.

Ленин и другие лидеры партии находились в эмиграции – в Швейцарии, Франции, Австрии. Оттуда руководили партией, издавали газеты, вели теоретическую работу. Но от реальной жизни в России они были оторваны.

Джугашвили в эмиграции никогда не был – если не считать пару поездок за границу для участия в партийных конференциях. Он был практик, а не теоретик. Его место было в России, в гуще событий.

Но к 1912 году Ленину потребовались люди, которые могли бы организовать работу внутри страны. Революция 1905 года провалилась, начались годы реакции. Многие революционеры разочаровались, отошли от политики. Партия переживала кризис.

И вот тут Ленин обратил внимание на этого упорного грузина, который несмотря ни на что продолжал работать. Арестуют – бежит. Отправят в ссылку – снова возвращается. Такие люди были на вес золота.

В 1912 году в Праге состоялась конференция большевиков. Формально это был съезд РСДРП, но меньшевики не признали его легитимность. Фактически это был момент окончательного раскола – большевики стали самостоятельной партией.

Джугашвили на эту конференцию пригласили. Для него это было признанием заслуг. Более того – его избрали в состав Центрального Комитета партии. Из рядового подпольщика он превратился в одного из руководителей большевиков.

Там же, в Праге, он познакомился с Лениным. До этого знал его только по статьям и письмам. Теперь увидел живого Владимира Ильича.

Ленин произвел на него огромное впечатление. Этот невысокий лысеющий человек с пронзительным взглядом излучал энергию и уверенность. Он говорил четко, убедительно, без лишних слов. И главное – он верил в победу. Несмотря на все поражения и трудности, он был уверен, что революция неизбежна.

Для Джугашвили Ленин стал авторитетом. Не просто руководителем партии, а вождем, за которым он готов был идти. Эта преданность Ленину будет определять его действия много лет.

Ленин тоже оценил Кобу. Не за теоретические способности – тут грузин явно проигрывал другим соратникам. Но за практичность, за упорство, за готовность выполнять любую работу.

После конференции Ленин поручил Джугашвили важное дело – наладить издание большевистской газеты “Правда” в Петербурге. Газета должна была стать легальным рупором партии, связующим звеном между эмиграцией и Россией.

“Правда” и работа в Петербурге

Джугашвили вернулся в Россию и принялся за дело. Легальная газета – это было новое направление работы. Раньше большевики издавали нелегальные листовки и брошюры. Теперь решили использовать легальные возможности.

После революции 1905 года цензура немного ослабла. Можно было издавать газеты – правда, под строгим надзором и с риском закрытия за любую крамольную статью. Но все же.

“Правда” начала выходить в апреле 1912 года. Джугашвили был одним из редакторов. Писал статьи по национальному вопросу, по рабочему движению. Подписывался разными псевдонимами – К. Сталин, Ко., Бесошвили.

Именно тогда, в 1912 году, появился псевдоним Сталин. Почему именно он – точно неизвестно. Возможно, от слова “сталь” – хотел показать твердость характера. Возможно, просто понравилось звучание. Так или иначе, это имя прилипло к нему навсегда.

Работа в редакции газеты была нервной. Постоянно приходилось лавировать между тем, что хочется написать, и тем, что пропустит цензура. Писать так, чтобы рабочие поняли революционный смысл, а цензор не придрался.

Кроме того, нужно было доставать деньги на издание, решать организационные вопросы, налаживать распространение. “Правду” покупали в основном рабочие – интеллигенция читала другие газеты. Тираж был небольшой, несколько десятков тысяч. Но для партии это был прорыв.

В Петербурге Сталин прожил около полугода. Снимал углы на рабочих окраинах, жил бедно и незаметно. Полиция, конечно, следила, но пока не трогала – вроде бы легальную работу ведет.

Но в феврале 1913 года его снова арестовали. На этот раз кто-то из близкого окружения оказался провокатором и сдал его охранке. Предательство в революционной среде было не редкостью – полиция платила хорошие деньги осведомителям.

Туруханская ссылка: на краю света

На этот раз наказание было суровым. Четыре года ссылки в Туруханский край. Это за Полярным кругом, глухая тайга, вечная мерзлота. Туда ссылали самых опасных политических преступников.

Его отправили в село Курейка – затерянная деревушка на берегу Енисея. Сотни километров от ближайшего города. Зимой температура опускалась до минус пятидесяти. Полярная ночь длилась месяцами. Летом – комары, мошка, болота.

Местное население – эвенки, якуты. Несколько десятков человек. Живут охотой и рыболовством. Никаких удобств, никакой культуры в привычном понимании.

Для человека, привыкшего к городской жизни, к активной деятельности, это было страшным ударом. Полная изоляция. Никаких новостей, никаких книг, никакого общения. Ничего, кроме борьбы за выживание.

Сталин снял угол в избе местного жителя. Занимался охотой и рыбалкой – надо было на что-то жить. Посobie от властей было мизерным, на хлеб не хватало. Приходилось добывать пропитание самому.

Он научился ставить сети, охотиться на дичь, ориентироваться в тайге. Физически окреп – жизнь в суровых условиях закаляла. Но психологически это было тяжело. Бездействие, невозможность участвовать в политической жизни разъедали изнутри.

Он писал письма – товарищам, в редакцию “Правды”, Ленину. Просил присылать книги, газеты, хоть какие-то сведения о том, что происходит в мире. Иногда присылали – с большими задержками, через многочисленные руки.

Пытался бежать, но не получилось. В этих краях побег был почти невозможен. Куда бежать? Вокруг тысячи километров дикой тайги. Без проводника не выбраться. А проводника не найти – местные боялись связываться.

Так он просидел почти четыре года. С 1913 по 1917 год. Самый долгий срок из всех его ссылок. И самый тяжелый. Многие не выдерживали туруханской ссылки – сходили с ума, спивались, кончали с собой. Сталин выдержал. Упрямство и воля помогли.

Есть свидетельства, что в этот период он сожительствовал с местной девушкой, четырнадцатилетней Лидией Перепрыгиной. У них родилось двое детей. Тема деликатная, документально подтвержденная слабо, но современные исследователи склонны считать, что так и было.

Это показывает еще одну сторону его личности. При всей аскетичности и погруженности в политику, он оставался мужчиной со всеми биологическими потребностями. И не очень заботился о морали – четырнадцатилетняя девочка для тридцатипятилетнего мужчины.

Февраль 1917: свобода и новые возможности

И вдруг – спасение. В феврале 1917 года в России случилась революция. Царь отрекся, образовалось Временное правительство. Объявили амнистию политическим заключенным.

Сталин узнал об этом с большим опозданием – новости в Курейку доходили медленно. Но когда узнал – немедленно собрался в дорогу. Через несколько недель добрался до Красноярска, потом до Петрограда.

Представьте его ощущения. Четыре года в ледяном аду, в изоляции, в бездействии. И вдруг – свобода, революция, грандиозные события! Все то, о чем мечтал, ради чего жил, начало сбываться!

Он приехал в Петроград в середине марта 1917 года. Город бурлил. Митинги, демонстрации, собрания. Армия перешла на сторону революции. Рабочие создали Советы. Партии вышли из подполья.

Большевики тоже легализовались. Открыли редакцию “Правды”, начали выпускать газету легально. Проводили митинги, вели агитацию.

Ленин еще был в эмиграции – вернется только в апреле. А пока партией руководили те, кто был в России. И Сталин оказался в числе руководителей. Как член ЦК, как опытный подпольщик, как один из немногих, кто уцелел после долгих лет репрессий.

Он сразу включился в работу. Вошел в редакцию “Правды”, в Петроградский комитет партии, в Бюро ЦК. Писал статьи, выступал на собраниях, участвовал в принятии решений.

Позиция его была умеренной. Он призывал поддержать Временное правительство, сотрудничать с другими социалистическими партиями, не торопиться с новой революцией. Надо дать буржуазной революции развиваться, укрепить позиции, а потом уже думать о социалистической.

Это была типичная меньшевистская позиция. И многие большевики придерживались ее в первые недели после Февраля. Только Ленин, вернувшись в апреле, резко развернул курс партии.

Апрельские тезисы Ленина: смена курса

Третьего апреля Ленин прибыл в Петроград. Его встречали на Финляндском вокзале – толпы народа, музыка, красные знамена. Триумфальное возвращение вождя.

И на следующий же день он огорошил всех своими апрельскими тезисами. Никакой поддержки Временному правительству! Никакого сотрудничества с буржуазией! Вся власть Советам! Немедленный переход к социалистической революции!

Большинство большевиков были ошарашены. Как это – немедленная социалистическая революция? Россия же не готова! Рабочий класс слаб, крестьянство темное, буржуазия у власти. Сначала надо развить капитализм, потом уже социализм.

Но Ленин был непреклонен. Он говорил – момент уникальный, надо использовать. Массы радикализируются, Временное правительство слабое, война всех достала. Если не взять власть сейчас, упустим шанс на десятилетия.

Сталин поддержал Ленина. Не сразу – первые дни колебался. Но быстро перестроился. Он всегда был верен партийной дисциплине. Если Ленин сказал – значит, так и надо.

С этого момента большевики начали готовиться к захвату власти. Ленин стал душой этой подготовки, главным идеологом и стратегом. А Сталин – одним из организаторов.

Его роль была не на виду. Он не выступал на площадях, как Троцкий. Не писал пламенных статей, как Ленин. Но работал в тени – организовывал, налаживал связи, решал технические вопросы.

Именно такая работа была его сильной стороной. Не блеск, не харизма, а упорная ежедневная деятельность. Скучная, неромантичная, но необходимая.

ГЛАВА 3. 1917 ГОД И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Лето 1917: нарастание кризиса

После февраля в России установилось двоевластие. С одной стороны – Временное правительство, формально обладающее властью. С другой – Советы рабочих и солдатских депутатов, имеющие реальную силу.

Это была взрывоопасная ситуация. Правительство хотело продолжать войну, наводить порядок, откладывать радикальные реформы. Массы требовали мира, земли, хлеба.

Большевики умело играли на этих противоречиях. Ленин выдвинул простые и понятные лозунги: “Мир народам!”, “Земля крестьянам!”, “Фабрики рабочим!”, “Вся власть Советам!” Это находило отклик в сердцах миллионов.

Но Временное правительство и умеренные социалисты – эсеры и меньшевики, которые доминировали в Советах, – противились передаче власти большевикам. Они считали их экстремистами, опасными авантюристами.

В июле произошел первый серьезный кризис. Стихийная демонстрация солдат и рабочих в Петрограде. Большевики попытались возглавить ее и превратить в восстание. Не получилось – правительство подавило выступление.

Начались репрессии против большевиков. Закрыли газеты, разгромили редакции, арестовали лидеров. Ленину пришлось скрываться – сначала в Петрограде на конспиративных квартирах, потом в Финляндии.

Сталина тоже хотели арестовать, но он успел скрыться. Вообще, летом 1917 года казалось, что большевикам конец. Их объявили немецкими шпионами, изменниками родины. Популярность упала.

Но они не сдались. Продолжали работать в подполье, восстанавливали организацию, готовились к новому наступлению.

Корниловский мятеж: поворот судьбы

В августе ситуация резко изменилась. Генерал Корнилов, главнокомандующий армией, попытался совершить военный переворот. Он хотел разогнать Советы, установить военную диктатуру, навести порядок железной рукой.

Войска двинулись на Петроград. Началась паника. Правительство Керенского оказалось беспомощным. И тут эсеры и меньшевики вспомнили о большевиках.

Только большевики имели реальную силу – боевые дружины, связи с рабочими и солдатами. Их выпустили из тюрем, дали оружие, попросили защитить революцию.

Большевики справились. Организовали оборону города, разложили корниловские войска агитацией, сорвали мятеж. Корнилов был арестован, переворот провалился.

И после этого авторитет большевиков взлетел до небес. Они спасли революцию! Они единственные, кто способен действовать! Массы потянулись к ним.

В сентябре большевики получили большинство в Петроградском и Московском Советах. Троцкий стал председателем Петросовета. Началась подготовка к восстанию.

Сталин в эти месяцы работал в основном в партийных структурах. Он не был оратором, не блистал на митингах. Но был надежным аппаратчиком, который делал свою работу четко и без лишнего шума.

Его избрали в Политбюро – узкий руководящий орган партии. Туда входили всего семь человек – Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Сокольников, Бубнов. Это была верхушка большевиков, штаб будущего восстания.

Октябрьское восстание: взятие власти

Ленин настаивал на немедленном восстании. Он писал из Финляндии письма – горячие, требовательные. Медлить нельзя! Момент уникальный! Если упустим – все потеряем!

Но многие в руководстве колебались. Зиновьев и Каменев открыто выступали против восстания. Слишком рискованно, говорили они. Можем проиграть, и тогда конец всему.

Троцкий был за, но хотел приурочить восстание к съезду Советов, который должен был открыться в конце октября. Чтобы придать захвату власти легитимность.

Ленин был против такой осторожности. Восстание надо начать до съезда, поставить его перед фактом. Иначе противники успеют организовать.

Сталин поддерживал Ленина. На заседаниях ЦК он голосовал за немедленное восстание. Хотя публично высказывался мало – не его стиль.

Двадцать четвертого октября Ленин тайно вернулся в Петроград. Пришел на заседание ЦК и фактически ультимативно потребовал начать восстание. Его воля переломила колебания.

В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое октября началось восстание. Отряды красногвардейцев, революционных солдат и матросов захватывали ключевые пункты города – мосты, вокзалы, телеграф, электростанции.

Сопrotивления почти не было. Временное правительство оказалось абсолютно беспомощным. К утру двадцать пятого большая часть города была в руках большевиков.

Вечером того же дня открылся Второй съезд Советов. Меньшевики и правые эсеры в знак протеста покинули зал. Осталось большевистское большинство.

Ленин зачитал декреты – о мире, о земле. Провозгласил Советскую власть. Избрали новое правительство – Совет Народных Комиссаров. Председателем стал Ленин.

Сталина назначили наркомом по делам национальностей. Не самый важный пост в новом правительстве – но все же вхождение во власть.

Революция победила. Невероятно, но факт. Небольшая партия, которую еще летом травили и преследовали, взяла власть в огромной стране. Началась новая эпоха.

Первые месяцы Советской власти: удержать победу

Взять власть оказалось проще, чем удержать ее. После октября началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Внутри страны – саботаж чиновников, сопротивление буржуазии, недовольство части населения. За границей – враждебность всех правительств, угроза интервенции.

Большевики правили железной рукой. Разогнали Учредительное собрание, где они оказались в меньшинстве. Объявили красный террор против классовых врагов. Национализировали банки, промышленность, землю.

Создали Чрезвычайную комиссию – ЧК – для борьбы с контрреволюцией. Во главе поставили Дзержинского – фанатика революции, для которого цель оправдывала любые средства.

Начались массовые аресты, расстрелы. Репрессии обрушились на всех, кого большевики считали врагами – буржуев, офицеров, священников, политических противников.

Сталин участвовал в этом процессе. Как нарком по делам национальностей, он занимался политикой в национальных регионах. Украина, Кавказ, Средняя Азия – везде надо было устанавливать Советскую власть, подавлять сопротивление.

Его методы были жесткими. Никаких компромиссов, никакой мягкости. Враги революции должны быть уничтожены. Все просто и понятно.

В марте 1918 года большевики подписали Брестский мир с Германией. Вышли из мировой войны ценой огромных территориальных потерь. Украина, Прибалтика, Польша, Финляндия – все это отошло немцам или получило независимость.

Многие большевики были против такого позорного мира. Но Ленин настоял – иначе Германия раздавит молодую Советскую республику. Надо выиграть время, дать стране передышку.

Сталин поддержал Ленина. Он всегда был реалистом. Если надо отступить – отступим. Главное – сохранить власть.

Гражданская война: страна в огне

Летом 1918 года началась полномасштабная гражданская война. Белые армии – офицеры, казаки, буржуазия, поддержанные иностранными интервентами, – пошли в наступление со всех сторон.

С юга наступал Деникин. С востока – Колчак. На севере высадились англичане и французы. На Дальнем Востоке – японцы и американцы. Чехословацкий корпус поднял мятеж вдоль Транссибирской магистрали.

Советская власть висела на волоске. К концу 1918 года большевики контролировали только центральную часть России – Москву, Петроград и прилегающие губернии. Все остальное было в руках белых или отделилось.

Началась отчаянная борьба за выживание. Троцкий стал наркомом по военным делам и создал Красную Армию. Мобилизовали миллионы крестьян, призвали бывших царских офицеров, ввели железную дисциплину.

Ленин руководил из Москвы – туда перенесли столицу, потому что Петроград был слишком близко к фронту. Принимали решения, распределяли скудные ресурсы, посылали на фронты комиссаров.

Сталина отправили на самые трудные участки. Сначала в Царицын – будущий Сталинград. Город имел стратегическое значение – через него шел хлеб с юга, контролировалась Волга.

Летом 1918 года белые пытались взять Царицын. Сталин приехал туда как представитель ЦК, с чрезвычайными полномочиями. Фактически он взял в руки оборону города.

Действовал жестко и решительно. Расстреливал дезертиров, смещал командиров, которые казались ему некомпетентными, собственноручно руководил операциями. Город отстояли.

Но при этом начался конфликт с Троцким. Сталин не подчинялся наркому по военным делам, действовал самостоятельно, игнорировал приказы из Москвы. Троцкий жаловался Ленину, требовал отозвать Сталина.

Ленин колебался. С одной стороны, Троцкий формально прав – нужна единая военная власть. С другой – Сталин добивается результатов, а это главное.

Этот конфликт заложил основу будущей вражды между Сталиным и Троцким. Вражды, которая закончится ледорубом в голове Троцкого в 1940 году в Мексике.

На фронтах Гражданской войны: кровь и железо

Гражданская война была страшной. Брат шел на брата, сын на отца. Никакой жалости, никакого милосердия. Расстрелы пленных, массовые казни, заложники, террор с обеих сторон.

Белые уничтожали коммунистов, рабочих активистов, всех подозреваемых в сочувствии красным. Красные – буржуев, офицеров, священников, казаков. Счет жертв шел на сотни тысяч.

Сталин побывал на многих фронтах. После Царицына его направили в Пермь – там красные потерпели тяжелое поражение, нужно было разбираться и наказывать виновных. Потом Петроград – Юденич наступал, город под угрозой. Потом опять юг – помогать громить Деникина.

Везде он действовал одинаково. Железная дисциплина, беспощадность к врагам и к тем, кто проявляет слабость. Расстреливал командиров за поражения, комиссаров за либерализм, солдат за трусость.

Современники вспоминали, что он был спокоен и хладнокровен даже в самых опасных ситуациях. Не паниковал, не суеился. Методично делал свою работу – принимал решения, отдавал приказы, контролировал исполнение.

У него не было военного образования. Он никогда не служил в армии, не учился военному делу. Но обладал здравым смыслом, решительностью и готовностью рисковать.

Правда, профессиональные военные его недолюбливали. Считали дилетантом, который лезет не в свое дело. Многие решения Сталина были авантюрными, приводили к большим потерям.

Но Ленин ценил его именно за решительность. За то, что он не боялся брать на себя ответственность. На войне важны не только знания, но и воля. А воли Сталину было не занимать.

Отношения с Лениным: ученик и учитель

Владимир Ильич Ленин был для Сталина непререкаемым авторитетом. Не просто лидером партии, а учителем, почти отцом. Сталин боготворил Ленина – настолько, насколько вообще был способен кого-то боготворить.

Ленин относился к Сталину иначе. Он ценил его как исполнительного и надежного работника. Но не считал выдающимся теоретиком или блестящим политиком. Сталин был для него одним из многих соратников – полезным, но не незаменимым.

При этом Ленин видел и недостатки Сталина. Грубость, нетерпимость к чужому мнению, жестокость. Ленин был жесток по отношению к врагам, но с товарищами умел быть терпимым. Сталин был жесток со всеми.

Были моменты, когда Ленин открыто критиковал Сталина. За самоуправство в Царицыне, за конфликт с Троцким, за излишнюю жестокость в национальных регионах.

Но при этом продолжал давать ему ответственные поручения. Потому что Сталин делал то, что не хотели или не могли делать другие. Грязную работу, которая была необходима, но неблагодарна.

В 1919 году, во время решающих боев с Деникиным, Ленин писал Сталину письма почти ежедневно. Требовал информации, давал указания, подбадривал. И Сталин отвечал – коротко, по-деловому, без лишних слов.

Это была рабочая переписка двух людей, которые понимали друг друга с полуслова. Ленин знал, что Сталин сделает все возможное. Сталин знал, что Ленин его поддержит.

Но близости настоящей между ними не было. Ленин дружил с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. Со Сталиным он работал, но не дружил. Возможно, чувствовал в нем что-то тревожное, опасное.

1920–1921: победа и новые вызовы

К концу 1920 года Гражданская война была фактически выиграна. Колчака разбили и расстреляли. Деникин бежал за границу. Юденич разгромлен. Врангель эвакуировался в Крым, а потом тоже удрал за границу.

Интервенты ушли – им стало не до России, своих проблем хватало. Окраины империи отпали – Польша, Финляндия, Прибалтика получили независимость. Но основная территория осталась под контролем большевиков.

Победа досталась страшной ценой. Миллионы погибших – в боях, от террора, от голода и болезней. Экономика разрушена полностью. Промышленность стоит, транспорт не работает, в городах голод.

Крестьяне взбунтовались. Три года их грабили продразверстки – забирали хлеб силой, почти бесплатно. Крестьяне восстали – по всей стране вспыхнули восстания.

Самое опасное – в Тамбовской губернии, под руководством Антонова. Десятки тысяч повстанцев, настоящая крестьянская война. Пришлось бросать регулярные войска, применять газы, брать заложников.

В марте 1921 года взбунтовались матросы Кронштадта – гордость революции, те самые, кто штурмовал Зимний. Они требовали свободы торговли, освобождения политзаключенных, новых выборов в Советы.

Восстание подавили штурмом по льду. Погибли тысячи. Но это был страшный сигнал – даже революционные матросы против большевиков!

Ленин понял – надо менять политику. Иначе власть потеряют. И он объявил новую экономическую политику – НЭП. Разрешили частную торговлю, мелкое предпринимательство, свободу рынка в рамках.

Это был откат назад, отступление от социалистических принципов. Но необходимое. Страна задыхалась, надо было дать ей передышку.

Сталин поддержал НЭП. Хотя многим большевикам это было горько – возвращение капитализма после всех жертв! Но Сталин был реалистом. Если Ленин сказал – значит надо.

Создание аппарата власти: накопление силы

В 1922 году произошло событие, которое на первый взгляд казалось незначительным. Сталина назначили генеральным секретарем ЦК партии.

Пост этот был технический. Генсек отвечал за организационные вопросы, за кадры, за делопроизводство. Скудная бюрократическая работа, которую никто не хотел делать.

Все звезды партии были заняты другим. Троцкий руководил Красной Армией. Зиновьев возглавлял Петроград и Коминтерн. Каменев председательствовал в Московском Совете. Бухарин редактировал “Правду” и писал теоретические работы.

А Сталин занялся аппаратом. Он назначал секретарей обкомов, горкомов, райкомов по всей стране. Контролировал, кто занимает ключевые посты в партии. Создавал сеть преданных ему людей.

Другие этого не замечали. Или не придавали значения. Подумаешь, кадровые вопросы! Это же не идеология, не военная стратегия, не внешняя политика. Это техническая работа.

Но именно эта техническая работа дала Сталину реальную власть. Через несколько лет окажется, что большинство руководителей на местах – его люди. Что на съездах и конференциях большинство делегатов будут голосовать так, как он скажет.

ГЛАВА 4. БОРЬБА ЗА ЛИДЕРСТВО ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА (1924–1929)

Ленин умирает: власть повисла в воздухе

Двадцать первое января 1924 года. Подмосковные Горки. В особняке, где последние месяцы жил парализованный Ленин, наступила тишина. В шесть часов пятьдесят минут вечера Владимир Ильич перестал дышать. Ему было пятьдесят три года.

Весть о смерти вождя облетела страну за несколько часов. Траур, слезы, растерянность. Ленин казался бессмертным – во всяком случае, многие так думали. А теперь его не стало. И сразу возник вопрос, который все понимали, но вслух не произносили – кто теперь главный?

Партия находилась в странном состоянии. Формально существовало коллективное руководство – Политбюро из семи человек. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Рыков, Томский. Все вроде бы равны, все принимают решения сообща.

Но на деле каждый понимал – так продолжаться не может. Рано или поздно кто-то один станет главным. Вопрос в том – кто? И началась борьба. Не открытая, не лобовая – такое было невозможно в партии, где культивировалось единство. Но скрытая, подковерная, от этого не менее жестокая.

Большинство ставило на Троцкого. Лев Давидович был самой яркой фигурой после Ленина. Блестящий оратор, теоретик, организатор Красной Армии, герой Гражданской войны. Его знали во всем мире. Он производил впечатление – высокий, красивый, харизматичный.

Но были у Троцкого и слабости. Он был евреем – в стране, где антисемитизм сидел глубоко в народе. Он был интеллектуалом, которого многие партийцы считали заносчивым и высокомерным. И главное – он пришел в партию большевиков только в 1917 году, до этого был меньшевиком.

Старые большевики помнили это. Помнили его споры с Лениным, его критику партии. И относились с недоверием – мол, карьерист, примазался к революции в последний момент.

Зиновьев и Каменев были старыми соратниками Ленина. Зиновьев руководил Петроградом и Коминтерном – международной организацией компартий. Каменев возглавлял Моссовет. Оба считались теоретиками, ораторами, влиятельными фигурами.

Бухарин был любимцем партии. Молодой, талантливый, добрый. Ленин называл его “любимцем всей партии”, хотя и критиковал за мягкость. Бухарин был главным идеологом НЭПа, выступал за постепенное движение к социализму.

А Сталин? Сталин был генеральным секретарем ЦК. Пост технический, бюрократический. Никто не воспринимал его как потенциального лидера. Серый, незаметный аппаратчик. Не оратор, не теоретик, не герой. Просто работяга, который занимается организационными вопросами.

Именно это и оказалось его козырем. Пока другие блистали на трибунах, он молча плел паутину власти.

Завещание Ленина: бомба замедленного действия

Перед смертью Ленин написал несколько писем, которые потом назовут его “завещанием”. Он был болен, частично парализован, но ум оставался ясным. И он беспокоился о будущем партии.

В этих письмах Ленин дал характеристики всем лидерам. И предупредил об опасности раскола. Особенно его тревожил конфликт между Сталиным и Троцким.

О Сталине Ленин написал жестко. Он отметил, что Сталин, став генсеком, “сосредоточил в своих руках необъятную власть”. И высказал сомнение, “сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью”.

А потом добавил постскрипtum, еще более резкий: “Сталин слишком груб, и этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого поста”.

Это был приговор. Если бы письмо стало достоянием партии, карьера Сталина закончилась бы. Его сняли бы с поста генсека, отодвинули на второй план.

Но письма Ленина огласили только узкому кругу членов ЦК. На XIII съезде партии в мае 1924 года их зачитали делегатам от областей, но не вынесли на пленарное заседание. Почему?

Потому что к тому моменту Сталин уже заключил союз с Зиновьевым и Каменевым. Они создали тройку, которая контролировала Политбюро. И эта тройка не хотела публичного скандала.

Зиновьев и Каменев боялись Троцкого больше, чем Сталина. Троцкий казался им главной угрозой. А Сталин – союзником. Серым, неопасным, удобным. Они думали, что его всегда можно будет контролировать.

Ошибка стоила им жизни. Через десять лет обоих расстреляют по приказу их бывшего союзника.

Сталин извлек урок из завещания Ленина. Он понял, что его считают грубым, жестким, опасным. И начал играть другую роль. На заседаниях Политбюро стал вести себя скромнее. Прислушивался к мнению других, не навязывал свою точку зрения в лоб.

При этом он несколько раз предлагал уйти в отставку с поста генсека. Говорил – раз Ленин считал меня непригодным, я готов освободить пост. Это была ловкая игра. ЦК отказывался принять отставку, и Сталин оставался на месте, но уже как бы прощенный.

А главное – он продолжал укреплять свои позиции через аппарат. Назначал на ключевые посты преданных людей. Контролировал информационные потоки. Собирал компромат на соперников.

Троцкий: самоуверенность гения

Лев Давидович Троцкий совершил фатальную ошибку. Он недооценил своих противников. Считал себя незаменимым. Думал, что партия сама выберет его лидером, потому что он самый талантливый.

Это была типичная ошибка интеллектуала. Троцкий жил в мире идей, теорий, блестящих речей. Он не понимал аппаратной работы, не ценил ее. Ему казалось это мелочью, недостойной настоящего революционера.

Когда умер Ленин, Троцкий был в отпуске на Кавказе. Ему телеграфировали о смерти вождя. Сталин при этом специально указал неверную дату похорон – так, что Троцкий не успевал вернуться.

Троцкий не приехал на похороны Ленина. Это произвело тяжелое впечатление. Люди не понимали – как так? Ближайший соратник Ленина, а не явился проститься? Многие решили, что он не уважает память вождя.

На самом деле Троцкого просто обманули. Но объяснять это было бесполезно. Первый удар был нанесен по его репутации.

А Сталин, наоборот, был на всех траурных мероприятиях. Нес гроб, произносил речи, организовывал церемонии. Именно он выступил с надгробным словом – речью, которая звучала как клятва верности идеям Ленина.

Речь была составлена в религиозном стиле – как литургия. “Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам...” И дальше перечисление заветов. Это производило сильное впечатление на массы, особенно на выходцев из крестьян, которые привыкли к церковной риторике.

Троцкий презирал такие приемы. Считал их демагогией, игрой на низких чувствах. Но именно эти приемы работали. Люди видели – вот Сталин, скромный, преданный делу Ленина. А вот Троцкий, который даже на похороны не приехал.

Потом началась кампания против Троцкого. Его обвиняли в недооценке крестьянства, в отрыве от партии, в амбициозности. Говорили, что он хочет стать диктатором, установить власть одного человека вместо коллективного руководства.

Это была наглая ложь. Именно Сталин стремился к единоличной власти. Но обвинять противника в собственных грехах – старый проверенный прием. И он работал.

Дискуссии о путях развития: прикрытие борьбы за власть

Борьба за власть маскировалась идейными дискуссиями. Нельзя было сказать открыто – я хочу быть главным. Надо было облечь это в теоретические споры.

Троцкий выдвинул теорию перманентной революции. Суть в том, что социализм невозможно построить в одной стране. Нужна мировая революция. СССР должен помогать революционерам других стран, экспортировать революцию.

Сталин и его сторонники противопоставили этому теорию построения социализма в одной стране. Мы можем построить социализм в СССР, говорили они, даже если революция в других странах задерживается. Не надо ждать мировой революции – надо строить свое государство.

Для большинства партийцев второй вариант был понятнее и привлекательнее. Устали от войн, от жертв. Хотели спокойно строить новую жизнь, а не лезть в новые авантюры.

К тому же теория Троцкого звучала непатриотично. Получалось, что Россия – только дрова для мирового революционного костра. А хотелось верить, что строишь что-то великое именно здесь, на своей земле.

Сталин это чувствовал. Он играл на патриотических чувствах, на желании людей гордиться своей страной. Постепенно в его риторике появлялись имперские нотки. СССР как новая великая держава, наследница Российской империи, но на новых, социалистических началах.

Это был гениальный ход. Он соединял революционную идеологию с русским имперским мессианством. И это работало – особенно на бывших низов, которые получили образование и карьеру благодаря революции.

Бухарин и правые большевики выступали за продолжение НЭПа. За постепенное, эволюционное движение к социализму. За союз с крестьянством, за развитие рынка. Их лозунг – “Обогащайтесь!” – обращенный к крестьянам.

Троцкий и левые требовали ускоренной индустриализации за счет крестьянства. Нужно выкачивать ресурсы из деревни и вкладывать в промышленность. Иначе страна отстанет от капиталистических держав и погибнет.

А Сталин занимал центристскую позицию. Он лавировал между правыми и левыми, в зависимости от обстоятельств поддерживая то одних, то других. Это позволяло ему сохранять большинство в руководстве.

Тройка против Троцкого: первый раунд

В 1923-1924 годах Сталин, Зиновьев и Каменев объединились против Троцкого. Тройка контролировала партийный аппарат и использовала все рычаги давления.

На партийных конференциях и собраниях делегаты один за другим осуждали Троцкого. Его обвиняли в фракционности, в нарушении единства партии, в противопоставлении себя коллективному руководству.

Троцкий пытался защищаться. Писал статьи, выступал с речами. Но его не печатали, не давали трибуну. Партийная машина работала против него.

В январе 1925 года его сняли с поста наркома по военным делам. Формально – по собственному желанию, из-за разногласий с ЦК. На самом деле – выставили из последнего бастиона реальной власти.

Троцкий остался членом Политбюро, но уже без армии за спиной. Превратился в чистого политика, которому осталось только слово. А в партии, где контролируют аппарат, одного слова мало.

Психологически Троцкий переживал поражение тяжело. Он не привык проигрывать. Всю жизнь был победителем – в дискуссиях, в организационной работе, на фронтах Гражданской войны. А тут вдруг оказался в роли побежденного.

Он злился, впадал в депрессию, болел. Жена Наталья Седова вспоминала, что он подолгу лежал в постели, отказывался от еды, погружался в мрачные мысли.

А Сталин методично добивал противника. Он не торопился нанести окончательный удар. Он постепенно изолировал Троцкого, отнимал у него одну позицию за другой, подрывал его авторитет.

Это была тактика удава. Не убить сразу, а душить медленно, пока жертва не обессилеет окончательно.

Разрыв с Зиновьевым и Каменевым: союзники становятся врагами

К 1925 году Троцкий был нейтрализован. И сразу началась следующая фаза борьбы. Теперь пришел черед бывших союзников Сталина.

Зиновьев и Каменев вдруг поняли, что создали монстра. Сталин больше не нуждался в них. Более того – они стали ему мешать. Он хотел единоличной власти, а они претендовали на роль соправителей.

Начались трения. Зиновьев требовал от Сталина большего внимания к Ленинграду – так переименовали Петроград после смерти Ленина. Каменев настаивал на своем влиянии в Москве. Сталин отказывал, отодвигал их на второй план.

Они попытались бороться. Создали “новую оппозицию”. Выступали с критикой Сталина и его сторонников. Обвиняли в отходе от идей Ленина, в бюрократизации партии, в накоплении власти в одних руках.

Но было поздно. Аппарат уже был сталинским. Большинство секретарей на местах были его людьми. На XIV съезде партии в декабре 1925 года делегаты дружно освистали Зиновьева и поддержали Сталина.

Это было унижительно. Зиновьев – старый большевик, соратник Ленина, руководитель Коминтерна – стоял на трибуне, а зал освистывал его. Кричали: “Долой!”, “Хватит!”, “Не верим!”

А когда выступал Сталин – аплодировали. Вставали. Скандировали его имя. Съезд показал – кто теперь хозяин в партии.

После съезда началась чистка ленинградской партийной организации, которой руководил Зиновьев. Его людей смещали с постов, заменяли сталинскими выдвиженцами. За несколько месяцев Зиновьев потерял свою главную базу власти.

Каменева сняли с поста председателя Моссовета. Формально – за ошибки в руководстве. Реально – чтобы лишить его трибуны в столице.

К 1926 году Зиновьев и Каменев поняли – Сталин их уничтожит. И тогда они пошли на отчаянный шаг. Объединились с Троцким.

Объединенная оппозиция: последняя попытка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.